

стью владеющих им стереотипов, с его социальными, этическими и культурными ценностями и устремлениями.

Как может показаться, в поэзии Некрасова миру ложных ценностей и устремлений, миру воплощенной пошлости, с одной стороны, и миру, трагически поработанному рутинной жизненной предначертанности, с другой стороны, противостоит мир людей образованных, которым доступны тонкие и искренние переживания, мир людей с убеждениями, идеалами, жизнь которых не исчерпывается утилитарными интересами. Но чем более поэт всматривается в опыты собственной частной жизни, в жизненную практику своего социального круга и идейного окружения, тем большее пессимистическое чувство его охватывает. Жизненная пошлость и здесь дает обширные и неискоренимые метастазы.

К 1850-м годам, следуя указанной логике, поэт переносит центр своего внимания с констатирования фактов присутствия пошлости в жизненной практике лиц, преимущественно воплощающих пошлость своей житейской позиции и характера, на ту разрушительную работу, которую жизненная рутина совершает с *непошлыми* людьми. Он показывает, как эта нравственная «ржавчина» приучает людей к унижительным ролям, как она гасит в человеке естественные задатки — достоинство, свободу воли, органические устремления к идеалу, как она разъедает даже отношения нежно любящих и имеющих горячие убеждения, как она «насмешливо и нагло» ждет своего часа, чтобы каждому доказать его ничтожество.

Мало того, еще с конца 1840-х годов, особенно в «субъективных» лирических стихотворениях Некрасова, пошлость в известном смысле уже перестает для поэта быть только внешне противостоящей его лирическому «я». Она становится одной из форм проявления душевных движений как интимно близким лирическим «ты», так и самим лирическим субъектом. Эти стихотворения приоткрывают нам, что рутина и банальность способны не только формировать самодовольные жизненные типы или предопределять трагические социальные судьбы, но примешиваться и к самым сокровенным чувствам.

Какова мера подлинности отношений, к которой стремятся любящие? Что означают капризы, ирония и напускной «холод», «театральные» сцены и игры в «примирение»? И откуда ревнивая мстительность и неспособность признать ошибку, острая жалость к себе и только к себе? Разве это не ложь и человеческая ограниченность, не власть рутины, не пошлость личности?

Порой воссоздание характера подобных отношений поэтом объективируется, становится предметом типического художественного обобщения. Таковы, например, его «семейные истории» «Маша», «Тяжелый крест достался ей на долю...» (1855), «Дешевая покупка» (1862), «Муж и жена» (1877). Но чаще мир отношений двух любящих реализуется непосредственно в субъективированной форме признаний или обращений лирического повествователя к лирическому адресату. Таковы некрасовские стихотворения «Так это шутка?..» (1850), «Ты меня отослала далеко...» (1855), «Письма (Горящие письма)» (1856, 1877), «Тяжелый год — сломил меня недуг...», «Как ты кротка, как ты послушна...», «Я посетил твое кладбище...» (1856), «Ах, что изгнанье, заточенье...» (1856, 1874), «Слезы и нервы» (1861).

Читатель — современник Некрасова вправе задаться вопросом: возможна ли вообще в нынешний век подлинная, искренняя, всеобъемлющая любовь? Неужели она ушла вместе с романтической ее идеализацией? Ответ поэта на эти вопросы вновь диалогичен. Да, горек его взгляд на банальные, мелочно и пошло выражаемые чувства. Но ведь они потому и предстают перед нами такими, что поэт судит их житейские проявления именно с позиции столь желанного взаимопонимания, преданности, душевной привязан-